

Антропоморфизм ИИ

Anthropomorphism of artificial intellect

Борзых С.В.

канд. филос. наук, доцент ВАК

e-mail: c_tac@ngs.ru

Borzykh S.V.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Higher Attestation Commission

e-mail: c_tac@ngs.ru

Аннотация

Эта статья посвящена недавно вспыхнувшему вновь интересу к искусственному интеллекту и тому, что он с собой несёт. Основная задача заключается в том, чтобы не критиковать или изучать озвучиваемые позиции, но в том, чтобы привести их к общему знаменателю, в качестве которого выступает антропоморфизм выдвигаемых мнений и гипотез. Главный результат этого рассмотрения состоит в том, что мы излишне очеловечиваем новую технологию, что в принципе свойственно нам как животным, какими разумными мы ни были, и это указывает на то, что рукотворный разум вряд ли осуществим, по крайней мере, в таком виде, в котором его теперь предлагают, что как раз и связано с таким на него взглядом и вытекающим отсюда подходом к его построению. Если эти выводы и применимы на практике, то как наиболее рамочные предложения по улучшению работы в этом направлении. Оригинальность кроется в том, что через данный наш инструмент демонстрируется наша собственная природа, а также подвергаются сомнению применяемые в отношении предмета интереса этого текста допущения и предпосылки.

Ключевые слова: интеллект, компьютер, чип, человек, искусственный.

Abstract

This article is devoted to the recently resurged interest in artificial intelligence and what it carries. The main task is not to criticize or study the voiced positions, but to bring them to a common denominator, which is the anthropomorphism of opinions and hypotheses. The main result of this consideration is that we unduly humanize the new technology, which is inherent in us as animals, however intelligent we may be, and this indicates that man-made intelligence is hardly feasible, at least in this form, in which it is now offered, which is precisely connected with such a look at it and the consequent approach to its construction. If these conclusions are applicable in practice, then as the most general proposals for improving work in this direction. The originality lies in the fact that through this tool our own nature is demonstrated, and the assumptions and prerequisites applied to the subject of interest of this text are also questioned.

Keywords: intelligence, computer, chip, human, artificial.

В последнее время интенсифицировались разговоры о скором или не очень приходе искусственного интеллекта, т.е. ИИ. Вне зависимости от того, какие сроки его появления называются, смысл этих прогнозов состоит в том, что рано или поздно это случится, и всем нам придётся иметь с ним дело – а то и вовсе заявляется, что он уже с нами, но, конечно, это не так, специалисты подобного не утверждают. Создаются целые группы и институты – и это не упоминая огромной массы отдельных исследователей – с тем, чтобы предсказать, как это произойдёт и что нам от него ждать, и они активно модулируют возможные ситуации и пытаются превентивно их разрешить.

Тут нет никакого прока в том, чтобы опровергать осуществимость рукотворного разума – впрочем, дальнейшее во многом это и делает. Те, кто считает, что он однажды оформится – возникнет, проснётся, осознает себя и т.д. – банально верят в это, и какими бы соображениями они при этом ни руководствовались, это именно желание – или опасение – которое если чем-то и подкреплено, то экстраполяцией, а, кроме того, слабым – если хоть каким-то – пониманием того, что, собственно, мы хотим получить – или предотвратить. Довольно сложно создавать то, у чего нет даже нормального и всеми разделяемого определения, а равно весьма проблематично, чтобы часть объяла целое. До сих пор мыслящий организм проще родить, да и вообще принципы функционирования нашего мозга и компьютерного чипа – это две большие разницы, как бы всё это ни представляли.

При этом особо стоит отметить, что категоричность здесь совершенно ни к чему, а то она и вредна. В конце концов, наше серое вещество тоже преодолело довольно долгий эволюционный путь – который ещё затрагивается – прежде чем превратиться в нечто утилитарное, так что потенциально ничего не мешает каким-то алгоритмам и программам – которые есть и у нас, но они сложнее и базируются на ином фундаменте – однажды преодолеть некоторый порог, за которым, как это обозначается, мы очутимся в сингулярности. Тем не менее, пока во всём этом слишком много чистых фантазий, чем чего-то реального, но, естественно, качественные скачки никто не отменял.

В этой связи гораздо полезнее – и губительнее для них – было бы взглянуть на все эти концепции и воззрения с точки зрения того, что они нам рисуют – и с позиции того, кто их формулирует и как. Какого бы мнения ни придерживались эти по преимуществу футурологи – присутствуют и те, кто искренне считает, что грядущее уже с нами, но это скорее слова или же избыточный оптимизм – их объединяет одно свойство, которое само по себе разрушает их стройные или не совсем построения и ясно высвечивает то, в чём они не торопятся признаться и самим себе. Собственно, оно и вынесено в заголовок, и оно станет предметом изучения данной статьи.

Сразу нужно предупредить, что ниже не идёт речь о каждом пункте или аргументе – или их совокупности – который только способны выдвинуть – или действительно его предлагали – обсуждаемые профессионалы. Также нет какого-то резона в том, чтобы перечислять их или же обвинять персонально. Тем, кто разбирается в этих вопросах, это ничего не даст, а тем, кто не в курсе дискуссий, это слабо поможет. Куда практичнее охватить их всех разом и, как кажется, антропоморфизм прекрасно соответствует этой задаче – что и будет развернуто далее. Итак, что же это такое и какими качествами он обладает?

Вряд ли для кого-то станет откровением то, что для человека характерно уподоблять себе всё, с чем он или она сталкиваются. Мы наделяем как живое, так и неодушевлённое всеми своими чертами и признаками, а затем взаимодействуем со всем этим так словно оно равно нам. Даже если мы и осознаём, что оно ниже и не всегда в состоянии ответить – а обычно это именно то, что и имеет место быть – это нисколько не препятствует тому, чтобы мы и дальше продолжали в том же духе.

Подобное анимистическое отношение – это норма. Будучи людьми для нас вполне естественно глядеть на всё человеческими глазами и ощущать прочими органами чувств, но прежде всего мозгом, о чём ниже – и обнаруживать то, что они нам предоставляют, но есть два типа такой позиции. Один из них поддается нашему контролю, и это активно практикует наука, другой – это нечто неизбежное, что никто из нас изжить в себе не в состоянии. Увы, но последний и выдаёт нас с головой, однако с этим ничего нельзя поделать. В чём они заключаются?

Первый – это наивное отождествление собственных позывов, желаний, соображений, чувств и т.д. с тем, что наблюдается у кого-то – или чего-то, но пока не имеется в виду компьютер, а всего лишь предметы и явления – ещё. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что мы не так некомпетентны в том, чтобы вообразить себе что-то, чего нет

в нашем непосредственном опыте. Никто не отрицает того, что мы некоторым образом сложены и что угодно мы представить себе не способны, но, по крайней мере, учесть какие-то детали для нас не проблема, и пусть это не выливается в полноценное понимание чужого состояния – особенно тех, кто сильно от нас отличается – какие-то намёки нам всё-таки доступны, а это больше, чем дано остальным животным. Т.е. наш ментальный багаж позволяет нам хотя бы приблизительно судить о том, что испытывают не люди – впрочем, о самих себе мы тоже только догадываемся, а не знаем наверняка – и он же недвусмысленно говорит о том, что разница между нами и ними есть.

Второй, и он сопряжён с предыдущим, непреодолим никакими средствами. Пусть нам порой и кажется, что мы обладаем универсальными инструментами познания и осознания, а также всеми механизмами для того, чтобы связывать – и разрывать – наши мысли – концепт которых бессодержателен по самому определению, данных дискретных единиц не существует, а есть лишь поток и наше произвольное выделение в нём каких-то элементов, как самостоятельных, так и не очень – в действительности всё, что нам дано – это когнитивный аппарат, который был выкован нашей историей и который был под неё адаптирован. Вне довольно узкого контекста он тривиально не работает, но мы отчего-то решили, что он включает в себя всё множество потенциальных способов рассуждения.

Никто не спорит с тем, что мы куда более разносторонни, чем любой иной разумный организм на этой планете. Наши успехи, которые, однако, оцениваем мы сами по нашим же шаблонам и лекалам – свидетельствуют о том, что мы многого добились, но сами по себе они ничего не демонстрируют. Мы решили, что мы что-то знаем или в чём-то разбираемся, но загвоздка в том, что мы это выявили с помощью всё того же багажа, а тот максимально ситуационен и вне некоторых рамок априори непостижим. Мы не можем вырваться из того интеллектуального периметра, в который мы помещены, но в том и дело, что за ним простирается целая вселенная, какой бы гипотетической – потому что недостижимой для нас – она ни была.

Если выразить это проще, то мы думаем сугубо по-человечески и как-то по-другому мы мыслить не умеем. Если на Земле нас спасает общность происхождения с прочими существами, которая гарантирует нам, по меньшей мере, некоторое сходство в протекании отдельных процессов и в нашем физиологическом устройстве, то всё, что не живое – или не отсюда – заведомо оказывается вне нашего понимания, что, впрочем, не мешает нам приписывать ему всё то, что характерно для нас.

Неудобство в том, что наш разум, как и всё остальное, эволюционировал под конкретные условия, а те ни в каком значении этого слова не были всеохватными. Здесь не хватит места для того, чтобы перечислить все составляющие среды, в которой мы обитаем, но они и создали как наше тело, так и наш разум. Если мы и универсальны в последнем отношении, то локально, т.е. в рамках того, как мы развивались на этой планете. Что бы мы о себе ни воображали, мы скованы своей историей – и анатомией – и оттого априори рассуждаем внутри своей черепной коробки – как метафорически, так и буквально. Но при чём тут искусственный аналог её содержимого?

Хотя на первый взгляд это и не очевидно, но, во-первых, он ограничен куда больше, чем мы готовы это признать. В отличие от него мы думаем нелинейно и параллельно, да и дискретных и не очень единиц в нашем мышлении намного больше. Он же, в свою очередь, чуть ли не стреножен заранее прописанными алгоритмами и программами, а также всего двумя состояниями, и пусть это позволяет ему делать интересные вещи, дальше этого он никуда и никогда не уходит. Если мы не всегда понимаем, как он что-то совершает, это не отменяет того, что он несвободен, ведь, в конечном счёте, это мы производим его, а не он себя сам.

В этом плане было бы резонно заметить, что даже наш вокабуляр, к которому мы обращаемся при его изображении, в действительности ему не соответствует. Если на то пошло, то всё, что он выполняет – это следование коду с опорой на два положения переключателя, и кроме этого ничего в нём нет. Прибегая к лексике, которая

характеризует нас, мы сильно усложняем то, что наблюдается в реальности, но именно это и имеет место быть.

Нужно ещё раз это подчеркнуть, он не думает и не ведёт себя так, как это свойственно нам. В этом свете он даже не является полноценным разумом, потому что он покоится на весьма простой схеме. В нём нет ничего, что бы мы туда не внесли, и оттого несколько странно заявлять, что его поведение – если так это стоит называть – напоминает наше и, тем более, что оно независимо. По сути, он рабски соблюдает все инструкции, что ему дают, и это сильно отличает его от того, что представляем собой мы.

Антропоморфизм здесь выражается в том, что наш словарь скрывает или завуалирует то, что есть на самом деле. Скажем, мы не воспринимаем какое-нибудь механическое приспособление как нечто самостоятельное – и абсолютно правильно – но отчего-то меняем свою тактику, когда сталкиваемся с ИИ. Если он что-то решает, отыскивает, говорит и т.д., то всего лишь в нашей фразеологии, тогда как актуально ничего кроме команд, созданных нами, там нет и не было.

Если мы преподносим всё так, словно перед нами какой-то наделённый волей агент, то мы обличаем желательное – или не очень, не в том соль – в действительное без должных на то оснований. Подобным образом мы скорее описываем себя, чем что-то ещё, и если в каких-то случаях это осознаётся, то ситуация с рукотворным интеллектом куда более проблематична, чем нам бы того хотелось. Никто, например, не утверждает, что калькулятор совершает что-то сам, но в том и загвоздка, что он ничем не отличается от компьютеров со всем их обеспечением. Присваивая им неадекватный для них ярлык, мы демонстрируем не их, но себя, что нисколько не удивляет из-за того, как мы озабочены самими собой.

Будь мы более осторожными и аккуратными мы бы перестали использовать тот язык, который применяется к нам в связи с искусственным разумом и перешли бы на тот, что лучше с ним согласуется – т.е. внимательно бы суммировали всё то, в качестве чего он выступает, и отсекали бы всё с ним не сопряжённое. Мы же не разговариваем с детьми, отталкиваясь от предпосылки, что они тоже люди, но учитываем их нежный возраст, и то же самое верно и для многих других сфер нашей жизни.

Загвоздка не в том, что мы ставим кого-то на один уровень с собой. Само по себе это даже неплохо, но всё резко ухудшается, когда мы делаем это беспочвенно. Конечно, встречаются те, кто на равных общается с животными и растениями – или с собственными автомобилями – но где-то в глубине мы всё-таки осознаём, что внятно ответить они нам не могут, как не способны на это и те вещи, которые мы создаём. В конце концов, они остаются неодушевлёнными предметами, как бы при этом они себя не вели.

К сожалению, но мы забываем об этом, когда начинается разговор о чипах и их обеспечении. Они стеснены теми пределами, которые мы им предписываем – как и своим аппаратным оснащением – и было бы хорошо, если бы мы не упускали этот момент. Присовокупляя к ним то, чего они на самом деле лишены, мы который раз ошибаемся по поводу того, чего от них ожидать, потому что никаких сюрпризов тут быть не может. Они предсказуемы в полном смысле этого слова, благодаря чему они, собственно, и полезны. Если в них и есть элемент случайности, то он таков только в нашей перцепции, а по факту это такие же механизмы, что и все прочие, менее в наших глазах интеллектуальные. Устройство и его наполнение диктуют то, чем является тот или иной феномен, но в том и фокус, что во всех этих микросхемах нет ничего, что бы посодействовало их переходу на какой-то качественно новый уровень. Банальное же увеличение составляющих ничего не даст, ведь в корне всё будет прежним, как бы мы ни старались.

Во-вторых, и это указывает на самый известный мысленный эксперимент Н. Бострома со скрепками, у машин нет воли или сознания. В этой иллюстрации компьютер послушно изготавливает то, что ему было предписано, и так оно всё и обстоит, но проблема в том, что заодно утверждается, будто он станет бесконечно совершенствовать себя, а это, мягко говоря, под большим вопросом. Если соблюдается программа, то нет никакого прока в

том, чтобы что-то в ней менять, так что весьма сомнительно, чтобы это приключилось. Тем не менее, обычно, а то и рутинно заявляется о том, что эти улучшения неизбежны, что и поможет ИИ однажды превзойти нас.

Основной посыл здесь не в том, что постулируется желание как таковое, а сугубо человеческое устремление. Это мы хотим быть эффективнее, богаче, умнее, сильнее и т.д. – да и то это касается далеко не всех, более того, инерционность глубоко укоренена в нас биологически – но подобной мотивации нет у робота. Даже если в его коде и присутствует стимул к тому, чтобы расти над собой, это вовсе не обязательно обернётся против нас, но вообще-то на этом довольно трудно настаивать. До тех пор, пока мы сами не снабдим его инструкциями по превращению всего во что-то одно – что, если на то пошло, и нереализуемо – ему неоткуда будет их взять, а потому после какого-то раунда он закончит свою миссию.

Это касается вообще всех его предписаний и базовых допущений. Какие бы мы в него ни внесли, ничего сверх них там не возникнет, и оттого в нашей власти предугадать, что от него ожидать, а также как, когда и в каком количестве. Нечто выходящее из-под нашего контроля – это скорее наша оплошность, чем дефект самой машины и тем более какой-то возникшей души. Опять же если мы чему-то и удивляемся, то это говорит о нас, но не о том, что произошло нечто мистическое и потустороннее.

Понятно, что нам неизвестно, что бы двигало теми, кто – или что – обладал бы сопоставимым с нашим разумом – как мы не всегда в курсе, а что же влечёт нас самих. Мы забываем о том, что последний – это во многом продукт определённого устройства, и если у кого-то или чего-то оно будет иное, то и результат окажется другим. Однако в силу того, что нам очень хочется, мы наделяем потенциальных собеседников своими чертами, но это в корне неверно, хотя и чрезвычайно просто.

Ещё раз нужно повторить, что мы являемся итогом эволюционных преобразований, которые выплавляли нас под конкретный диктат среды, и если нам что-то и доступно, то чуть ли не исключительно из того репертуара, что был важен для выживания. Всё, что лежит вне его – это фикция и обман, особенно если речь идёт о постижении кого-то – не упоминая чего-то – кто физиологически не такой как мы.

В этом плане весьма показательны золотые пластинки, которые были отправлены в космос и которые вроде бы содержали информацию о нас и о Земле – т.е. она там была, но нанесена она была нами, а потому и для нас. Можно долго перечислять недостатки этого послания, но основное неудобство в том, что его надо расшифровывать, ведь очевидно оно только для нас – да и то в рамках определённой культурной парадигмы – которые скомпонованы так и из того, как и из чего мы актуально и сделаны. Если найдётся какой-то иной интеллект, то он банально не обнаружит в нём – если в принципе с ним столкнётся – ничего интересного, а то и осмысленного.

Даже если у ИИ и обнаружится какое-то осознание, то нет почти никаких сомнений в том, что и функционировать, и наполняться оно станет совсем не так и не тем, как и чем оно загружено у нас. Убить всех человек – это гнусное намерение их самих, а все остальные – включая и наших соседей по планете – руководствуются вовсе не тем, что направляет нас. Никто не спорит с тем, что вероятны неприятные пересечения наших и их воззрений, а точнее их последствий, но именно наших устремлений у них мы не встретим.

В этой связи как-то глупо предполагать, что какая-то железюка, раболепно выполняющая наш же собственный приказ, противопоставит себя нам. И законы А. Азимова тут абсолютно ни при чём. Загвоздка в том, что это наша манихейская логика допускает такие оппозиции, а, кроме того, без нашего участия в её программировании ничего такого ждать не стоит. Если у неё и появится какая-то цель, то согласующаяся с тем, как и из чего она изготовлена, а это по вполне прозрачным причинам не то, что свойственно нам.

В-третьих, как бы это ни прозвучало странно, но ИИ не живой, а в каком-то смысле мёртвый, потому что никаких признаков одушевлённости он не подаёт – и к тому нет никаких предпосылок, как, собственно, и желания превратить его в нечто из этого

разряда. Вопрос здесь не в том, что разум подобного рода невозможен – по крайней мере, сугубо гипотетически, это вполне осуществимо – но в том, что мы относимся к нему так, словно он обладает такой же витальностью, как и мы. Пытаясь ли воплотить то, что представлено в нас – но лишь кодовыми средствами, не затрагивая физической основы, а это нереально, а, кроме того, так, как мы это понимаем, что необязательно верно – или, имитируя нашу логику, мы ничего не добьёмся, ведь наш интеллект – это нечто пульсирующее, чего в машине нет.

Нет никакого прока в том, чтобы определять, что характеризует нечто органическое. Слишком бросается в глаза, что компьютеры и чипы и отдалённо не подступают к тому, чтобы считаться таковым, а если они в чём-то начинают на него походить, то косвенно и вовсе не в том, в чём они по идее должны. Программные средства ведут себя как будто что-то настоящее, но это, конечно, иллюзия, которой мы, впрочем, себя и тешим. Если они и напоминают нам поведение чего-то более знакомого, то это видимость, которая чуть ли не намеренно создаётся с тем, чтобы если и не ввести нас в заблуждение, то заставить думать, что мы ближе к цели, чем мы актуально располагаемся.

Неувязка не в том, что живое более эффективно – если это и так, то, как это ни парадоксально, суть в несовершенстве, которое порождает эмерджентные качества – но в том, что машина строго детерминирована – по крайней мере, на порядки сильнее нас – что лишает её спонтанности, импровизации, неудач, ошибок, прозрений и т.д. Все эти феномены на самом деле из одного пула, и мы получаем их вместе, а не по отдельности, и по всей вероятности особняком ни один из них не стоит. Естественно, спотыкаться – это плохо, но нарушение – это обещание, в том числе, и вдохновения, когда очерёдность ломается и возникает нечто неожиданное, чего как раз в работе и нет.

Неоднократно отмечалось, что все существа – это клуджи, которые не слишком хорошо продуманы с инженерной точки зрения. Тем не менее, они функционируют и относительно неплохо справляются с теми задачами, с которыми сталкиваются, но в том и соль, что нечто идеальное было бы обречено на провал при малейшем изменении обстановки. Наши компьютеры в этом плане чудовищно ригидны и не умеют учиться – если заявляется об обратном, то опять же в рамках прописанных алгоритмов, но их самих это не касается – и оттого не в состоянии приспособиться так, как это характерно для нас. Никто не спорит с тем, что промахи и ложные шаги нередко дорого стоят, но в целом отступление от образца – это по большей части благо, а не проклятие.

Прежде всего, не совсем ясно, что же такое идеал – все наши соображения на сей счёт сами продиктованы нашей не совсем отлаженной физиологией, а потому не столь релевантны, как бы нам того хотелось – но критичнее всего то, что без определённого простора нет гибкости, которая требуется, чтобы отвечать на непредвиденные вызовы. Конечно, этот диапазон не всеохватывающ, но он хотя бы присутствует, чего нет в наших чипах, как бы они ни программировались. Рабское выполнение кода – это, безусловно, хорошо в заданных обстоятельствах, но за ними оно бесполезно, а то и вредно, как бы мы ни пытались предусмотреть все потенциальные ситуации.

Выражаясь более откровенно, несовершенство – это то, что помогает нам быть разумными чуть ли не в том единственном смысле, который имеется в виду под этим явлением – т.е. дано и осознаваемо нами. То, что мы считаем, что наши поделки идентичны нам – или подбираются к нам в этом – само по себе говорит о том, как мы нелепо, а то и глупо сконструированы, и это же указывает на то, что никакого ИИ у нас нет, а то, что мы выдаём за эту аббревиатуру, в действительности не более, чем наше желание всюду обнаруживать подобие себе. Судя по всему, быть живым – это, помимо прочего, и такое отношение к своему окружению, и это не дискредитирует нас, но, наоборот, подтверждает наш ментальный и когнитивный статус – высокий или нет, зависит от системы координат и реперных точек.

Всё это нисколько не противоречит тому, что машины много лучше нас в монотонных и повторяющихся операциях и способны найти то, что нам не под силу или вынуждает нас

самих превращаться в роботов. Если бы они были похожи на нас, то это как раз и помешало бы им отвечать на те вопросы, которые мы им предлагаем, но в том и фокус, что самостоятельно они их формулировать не в состоянии именно потому, что они устроены образцово. Любопытство проистекает из неумения концентрироваться на чём-то одном и строго следовать инструкциям, но вряд ли кто-то станет отрицать то, что оно занимает центральное место в нашем интеллекте.

И последнее, но, как обычно, не по значимости. Антропоморфизм проявляется и в том, как мы пытаемся воспроизвести свой разум. Как уже отмечалось, на этом материале он должен трудиться как-то иначе – т.е. вновь надо помнить, что он не живой – и по большому счёту так оно и есть, но в том и загвоздка, что мы искренне полагаем, будто репликация процедур или структур, присущих нам, к чему-то приведёт. С одной стороны, не понимая, как всё организовано у нас, нам будет тяжело это выполнить, с другой, и это более фундаментальное возражение – на этом базисе повторить наш интеллект окажется непосильной задачей.

Это отражается чуть ли не во всём, что мы думаем по поводу ИИ. Например, известный тест Тьюринга постулирует критичность имитации общения, но в том и неудобство, что оно характерно для нас, т.е. для социальных животных, но заявлять, что то же самое вообще есть неотъемлемая черта всякого разума – это в лучшем случае моветон. Разговор – это то, что выделяет наш мозг, который страстно жаждет беседы – какой бы та ни была – но чип – или их совокупность – если он когда-нибудь и превратится в подобие нашего серого вещества, такое устремление вряд ли приобретёт или будет им отмечен.

То же и с остальными его атрибутами. Мыслить абстрактно, забывать, отыскивать какие-то причинно-следственные связи, заблуждаться, путаться, перескакивать и т.д. – всё это наши особенности, но мы получили их из-за нашей конституции, которой нет у наших гипотетических партнёров или антагонистов. В этом свете они и не могут стать ими, ведь они не окажутся комплементарными нам в этой плоскости. Совершенно ни к чему строить какие-либо догадки на эту тему, но слишком очевидно, что ничему подобному не быть оттого, что мы столь разные.

Если описывать это более вызывающе, то с огромной долей вероятности такой потенциальный интеллект мы и не распознаем в этом качестве. Т.е. если он как тот и сформируется, то вести себя он станет не так, как мы это предсказываем – потому что база у нас неодинаковая – и это мешает нам узнать в нём то, что есть у нас. Если сегодня мы и слышим от него что-то – и воспринимаем прочими органами чувств – то исключительно из-за того, что так мы это запрограммировали, но в том и дело, что самостоятельный игрок окажется нам – а мы для него – недоступен.

Вопрос даже не в желаниях и мотивации, а в самой природе вещей. Наш разум эволюционировал на этой планете под конкретные нужды и в заданных условиях, но того же нельзя сказать о наших компьютерах. Если однажды им и суждено приобрести что-то напоминающее наш ментальный багаж, то он точно будет иным, так что выяснить, что же перед нами, нам едва ли удастся.

Здесь совершенно ни к чему апеллировать к нашей фантазии, которая сама, кстати, весьма ограничена. Неудобство в том, что мы не в состоянии вообразить себе то, что не поддаётся этой процедуре в принципе. Мы так привыкли гордиться тем, что у нас есть, что забыли – или не поняли – о том, что это одна из реализуемых инкарнаций интеллекта как такового, и она вовсе не универсальна – зато уникальна. Но если бы она и была данного уровня, то ИИ всё равно имел бы другую, что воспрепятствовало бы нашему общению, тем более, если оно регулируется нашими правилами, воззрениями и допущениями, которые, и это снова нужно повторить, идиосинкратические, как и мы сами. Если у нас получится полностью сымитировать то, что имеет место быть в наших головах, то вероятность нашей беседы вырастет, но это весьма проблематично достичь.

Подытоживая, можно сказать, что антропоморфизм, который столь рельефно проявляется по отношению ко всему, с чем мы сталкиваемся, по сути, свидетельствует о

том, что рукотворный вариант нашего разума – это по преимуществу выдача желаемого за действительное, а не нечто осязаемое или ожидаемое. До тех пор, пока мы не прекратим думать о нём в данных терминах и в подобном ключе добиться того, чтобы однажды он стал чем-то настоящим, у нас не выйдет. Всё, что мы наблюдаем – это такая же наша продукция, что и любая, т.е. она ничуть не умнее, но и не глупее каких бы то ни было предметов, которые мы производим.

Единственное, что в этой связи стоит добавить – это неистребимость самой этой нашей черты. Практикуется ли этот анимализм обыденно или на более глубоком уровне не так и важно, но критично то, что он не изживается как таковой, что бы мы для этого ни предпринимали – чего на самом деле обычно и нет. По большому счёту ИИ – это мечта, которой вряд ли суждено стать реальностью, но зато так по-человечески фантазировать о чём-то в этом духе. Собственно, этим мы и заняты, а всё прочее – это красивая иллюзия, в которую мы охотно верим.

Литература

1. Ford M. Architects of Intelligence: The truth about AI from the people building it. – Packt Publishing, 2018' – 554 pp.
2. Mitchell K.J. Innate: How the Wiring of Our Brains Shapes Who We Are. – Princeton University Press, 2018. – 304 pp.
3. *Баррат Д.* Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 312 с.
4. *Борзых С.В.* Живая машина. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 158 с.
5. *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. – М.: МИФ, 2015. – 496 с.
6. *Кунин Е.В.* Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. – М.: Центрполиграф, 2017. – 528 с.
7. *Маркус Г.* Несовершенный человек. Случайность эволюции мозга и ее последствия. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2011. – 255 с.
8. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2019. – 208 с.